

ИНОАГЕНТ Галина Юзефович что есть силы пиарит новую книгу иноагента Дмитрия Глуховского. Им важно показать, что всё самое лучшее и светлое покинуло страну с началом СВО, а оставшиеся литераторы идут по пути неуклонной деградации, в том числе якобы в силу постоянно усиливающегося гнёта казённых. Поэтому и нахваливают друг друга, превозносят, не скупясь.

Но вообще-то хорошо, что появляются такие книги. Есть с чем сравнивать, чтобы осознавать изменения, которые, хоть и медленно, но происходят в отечественной культурной сфере. По крайней мере, можно понять, что мы... нет, не потеряли, а от чего избавились и что пытаемся сейчас преодолеть. Развеялся морок, остался лишь их срам, из-за чего крайне неловко делается за эту публику с непомерными претензиями на владование над умами.

Надо понимать, что ещё совсем недавно о таких книгах вешали бы из каждого электроприбора, щедро раздарились бы литературные премии, появилась бы экранизация, которая наверняка получила бы призы западных кинофестивалей, где по понятным причинам любят подобное послание.

Перед нами типичнейший пример идеологического текста, продукт постсоветской культуры, развивающейся по догматам внешней интервенции.

С начала десятых годов в промышленных масштабах стал появляться массив идеологической литературы, яростно и шаблонно обличающей российские нравы. Лобовое публицистическое высказывание облачалось в псевдохудожественную обёртку, и это выдавалось на-гора. Основными ориентирами идеологической литературы, помимо западного вектора, было внушение нигилизма по отношению к отечественной современности, которая-де сама по себе — ошибка, пустота, тянущая за собой, как проклятие, воз грехов беспроектного прошлого, а также экзальтированная, жёстко-карикатурная критика государства, которое ассоциировалось с Левиафаном и становилось символом несвободы. Здесь же присутствует чёткое и последовательное разделение государства и страны, государства и народа с акцентом на "рабской" психологии последнего, ставшей следствием многовекового государственного диктата, и так далее.

Сразу скажу: обратил внимание на текст именно после восторженных отзывов иноагентского литературного критика Галины Юзефович о "первом большом" и "выдающемся романе" об СВО. Впрочем, применительно к ней идёт речь не о добросовестной критике — скорее об определённых услугах, оказываемых той самой идеологической литературе, которая бурно произрастала в России, особенно после известных "болотных" волнений и вплоть до начала СВО. Затем она перидислоцировалась за пределы страны,

ИУДИН ШЕДЕВР

О романе Дмитрия Глуховского «Регистрация»

где сейчас работают многочисленные конвейеры по производству подобного рода пропагандистско-листовочного продукта.

В своё время литкритик аналогичными безудержными восторгами встречала предыдущий роман идеологического литератора, сразу же записав его в стан больших писателей. Тогда же, в 2017 году, по цепочке принималась рукопискуать Глуховскому публика схожих воззрений. Это были так называемые хозяева дискурса, и попадание в требуемую идеологическую "десятку", использование определённой догматики, штампов, образной системы сулили прекрасные перспективы для текста и его автора. В итоге книга была обильно представлена на всех книжных полках, и вскоре появилась экранизация. Такова была бумажная упаковка деструктивной пропаганды, не терпящей возражений.

До начала СВО Галину Юзефович именовали главным литературным критиком страны. Для сравнения, главным кинокритиком был Антон Долин (теперь он также иноагент). И это в то время, когда у нас работают в кинокритике, например, Денис Горелов и Михаил Трофименков — с Долиным фигуры вообще несопоставимые, на их фоне он попросту микроскопичен. Но, видимо, сфера идеологических услуг была в приоритете. Юзефович регулярно назидательно-нравоучительным тоном классной дамы высказывалась о литературе в изданиях, признанных сейчас иноагентскими, постоянно появлялась на передаче Ивана Урганта, о котором мы тоже все узнали, что он собой представляет.

Схожими превосходными эпитетами и похвалами, как мне помнится, в своё время Юзефович одаривала роман нынешнего иноагента и экстремиста Дмитрия Быкова "Июнь". Там было предельно чётко артикулировано лобовое послание о России и её истории: что вся она — это лишь накопление греха, ведущее всякий раз к войне, ибо страна не приспособлена к мирной жизни. Сейчас экстремист Быков не скрывает радости от ударов по Москве.

Новая книга Глуховского, наполненная нескрываемой ненавистью и высокомерием, походит на записки иностранного путешественника, сознание которого нафаршировано многими предубеждениями и ком-

плексами. Обо всём этом он и повествует, а вовсе не о реальности. Такова работа.

Вологда. Молодая девушка узнала, что ждёт ребёнка. Её парень был призван по мобилизации. Пропал, затем выяснилось, что потерял ноги и пребывает на лечении в московском госпитале. Всё написано по известным, предельно карикатурным либеральным канонам, когда нет ни капли сострадания к простому человеку. Его судят и обличают, как и реальные или мнимые нравы, виновником которых он якобы является из-за своей безропотности и согласительства. Примерно так же распиляли в своё время граждан советской страны, навязывая им комплексы вины и неполноценности. Всё это очень близко к либеральному фашизму, вопящему: "Раздавить гадину!"

Излюбленное слово литератора для характеристики этого самого персонажа: "харя". Автор использует его щедро, оно кочует из текста в текст. Причём "хари" у него, как правило, харкают. Так подчёркивается животная сущность человека, его деградация. Типичнейшая русофобская методика.

Собственно, и сами книги Глуховского становятся именно такими харями реальности. Постоянно встречаются подобного рода лозунговые сентенции: "России за варварство и каннибализм отлучили от западной потребительской церкви". Военнослужащие здесь представлены предсказуемо и крайне негативно: "Один был постыгулзай, жутикий, с тшательно сделанным пробором в русских волосах. Сразу видно, что маньячина. Другой — острижен под бобика, лихой, и видно, что дурак". Такой вот "выдающийся" роман, регулярно скатывающийся до площадной брани.

Конечно, книга абсолютно не подходит под определение "выдающийся" и "большой роман". Ничего этого нет и близко. Примитивнейшая и пошлая агитка, нафаршированная стереотипами и штампами пропаганды, без знания фактуры, без человека и даже без намёка на попытку разобраться в сложнейших конфликтах трагического времени.

Так отчего же расточаются превосходные степени и похвалы из стана "своих" с ориентиром на безоговорочное принятие такой оценки? Притом что весьма

не сопрягает человека с её буквальным смыслом, а возвращает радость в победу над пустотой, в исцелении от неё трагической причастностью к совершенству — не к долготелию и житейской защищённости, а к интуиции бессмертия.

К чему я это? Дионис — двигатель театра. Он — первосознание драмы. Дионис может изменяться до полной неузнаваемости. Но его в театре не может не быть. Значит, у Дмитрия Данилова многим управляет Дионис Скучный. Не Данилов — скупный, а серое, скучное, бесчеловечное ничто приходит через Данилова на сцену, чтобы стать побеждённым или — увиденным и познанным.

"Ну как можно сравнивать готический собор с какой-то подпольской церквухой? Это же несопоставимо! ...В Амстердаме жить хочется! Дышать! Радоваться! ...А у нас что? Серость эта вся, унылость. Церкви эти все ваши, усадьбы — всё унылое, кривое. Люди серые, толпы эти..." — "исповедуется" Николай Фролов, тот самый человек из Подольска. "Жизнь проходит мимо тебя. Ты фактически живёшь как животное. Понимаешь?

са, Введенского, Друскина, Липавского, Мандельштама хотя бы! А ты? Ты кто?" — спрашивает почти вдова Света у приговорённого мужа Серёжи. Но ясно же видит Данилов, что весь этот список (только Пастернака с Цветаевой и Рубинштейном не хватает!), ставший собранием идолов для очень скучной тусовки, надо как-то менять.

Интересные они поэты и литераторы. Но как же обречены их хилые поклонники! Но хотя бы противопоставьте "вертикального" Введенского захвату "горизонтального" Хармсу. Больше шансов будет остаться человеком! Нет! Всё на своём гнилом месте.

Выбросьте кумиров, если жить хотите!

НЕ ИСКЛЮЧАЮ, что я не прав в следующем суждении: Данилов нащупывает и называет силу, что губит поколение, — и сам не замечает названного! Сила эта — стоицизм, уж точно не античность. Данилов прекрасно показывает, как данная "философия" работает: "Я тоже думаю, что смысла никакого нет. Но вот со стороны мамы всё время этот запрос — А что мы планируем? — Ничего. Я занимаюсь ничем. — Сделаем ещё одно бессмысленное действие. — Ну, вот это — делай, что должен, и будь что будет. Делать-то и нечего. Ничего не должен. — Значит, ничего не делать, и будь что будет" (пьеса "Стоики").

Тезисы "Стоицизм — наше всё" и "Все разумные люди — последователи стоицизма" коллективно и чуть по-разному отстаивают Парень и Девушка, Мать/Жена и Муж/Отчим. Здесь дело не в Сенеке, Марке Аврелии или Эпиктете. Дело в ином, например, в следующем согласии участников драмы, давшей название всей книге: "Сейчас везде рвануло", но — "Смысла нет особого следить. Что мы сделаем?"

Человек, выведенный Даниловым на сцену, весьма актуален. Он настолько внимательно следит за собственными границами, что давно превратил всех "не-себя" в потенциальных агрессоров. Прокачанный всякой психологической дрянью, он всё знает о ценности персональных, только своих желаний. Да вот беда! Никаких желаний и не осталось. К любви он не имеет никакого отношения, и, когда соблазнённая студентка спрашивает о ней преподавателя Серёжу ("Саша, привет!"), он даже не знает, что ответить и как быть. Скучно ему! Формально погибая за любовь (смертная казнь — за порочную связь!), погибнуть Серёжа сможет, а любить — нет!

После чтения даниловской книги одолевает мысль: на Россию наступают не жестокий Запад, а многомиллионная армия собственных "тормозов", уверенных в правильности и даже философичности "горизонтального положения". Отстаивая толерантность, оберегая все личные надежды, отрицая в комплексе все кризисные фавулы мировой истории, они порвут любую инкомисыслящего — каждого, что что-то вкянет об эпохах, о необходимости связать свою кондиционируемую комнатность с воздухом более объёмного мироздания.

Они несчастливы. Но попробуй скажи им об этом. Данилов пробует, и это хорошо.

...И снова ищет сигналы для самоуничтожающихся в "стоицизме". В беседе с Надей Алексеевой Данилов неожиданно для меня начинает говорить о православии, о Церкви, о причастии, о том (а вот это ожидаемо), что любимый святой — Нил Сорский, а любимый — Иосиф Волоцкий: "К сожалению, победили иосифляне. С XV века на Руси так всё и пошло. ...Мне не нужно никакой зависимости, никакой власти, не дай бог", — приближается писатель к финалу значительного разговора.

Но тогда "стоицизм" непобедим. Боже сохрани касаться веры Данилова, выносите о ней суждения. Однако, когда русский интеллигент говорит, что он за Нила Сорского и против Иосифа Волоцкого, это не совсем о христианстве, это об интеллигентском "буддизме". Не всегда, но часто. Такова простая семиотика либерализма, когда он хочет приблизиться к религии.

В самом конце вернусь к Дионису. Главное достижение Дмитрия Данилова в том, что собранное им в "Стоиках и других пьесах" силное нескупных повторов обозначает и даже оформляет миф о состоявшейся смерти страсти и духовного ума, о близости гибели мира, который в новых людях не способен создавать будущее. Ведь будущее всегда требует жертвы, а жертвовать ничем не хочется, да и жить даниловским героям хочется не очень.

Алексей ТАТАРИНОВ

СРАЗУ предупреждаю: не рецензия! И уж точно не рецензия, написанная театральным критиком. Меня интересует сознание, представленное автором семи пьес в "Стоиках" и одновременно управляющее им при их создании и драматургическом сопровождении. Это сознание не только воплощается в скромных, лингвистически сухих диалогах, но и предшествует всему происходящему в тексте и потенциально — на сцене. Интрига вызова, который бросает писатель изображённому пустотному миру (продолжая и находиться в нём, и оберегать его от иных миров), представляется мне главной встречей, которая ждала меня в недавно изданной книге.

"Представьте себе, что это роман, который просто из диалогов состоит", — отпицает Дмитрий Данилов специальную драматургию своих пьес. Я соглашусь, что "Стоики и другие пьесы" можно воспринимать как прозу.

И всё же это путь к сцене! Благодарен Дмитрию за книгу: значимый сборник современных пьес, авторские комментарии к их появлению, откровенная беседа о жизни и творчестве, искусстве и христианстве. Такое сочетание литературы и рефлексии аттестует "Стоиков" как состоявшийся жанровый эксперимент. Думаю, что он — в традициях новейшего театра: читки, обсуждения, общение актёров со зрителями, объяснение рычагов создания действия,

У Данилова классно получилось организовать двусмысленный, с примечаниями, но — суд. Суд ещё интереснее оттого, что драматург и хорошо понимает этих людей, и соперничает им, и возмущается их присутствием, и чувствует их в себе. Иначе не превратил бы семь относительно коротких пьес в одну длинную историю.

Автор словно желает выбросить злых, неказистых духов из своего мира. Они не исчезают, лишь силой искусства получают особый статус фигур поучения — при встрече с теми, кому удалось загубить всё. Так происходит в "Человеке из Подольска", тот же сюжет суда — в пьесе "Серёжа очень тупой". А разве в "Пути к сердцу" или в "Свидетельских показаниях" его нет?

Это необычный суд. На первом уровне Николай Фролова — историка, журналиста и музыканта — прессингуют готовые к нравственной атаке полицейские, тупого программиста Серёжу одолевают курьеры с объёмными полномочиями. Господь? Ангелы? Религиозная стилизация смерти и необратимой встречи с истиной?

временного искусства, важным блогером с нулём подписчиков, спортивным журналистом в границах стоической философии — это всегда он, съеденный Никем, достаточно воспитанный и предсказуемый Никто!

Кстати, а настоящие судьи кто? Вот это вопрос! Есть ли вообще хоть что-то и где-то, откуда судьи могут прийти? И хочет ли Данилов суда? Или характерное для его пьес финальное снижение напряжения — сигнал о толерантности, слово о невозможности Суда?

Будто кричит Данилов: "Повесточные негодницы! Загубившие жизнь уроды, покаяйтесь! Пока не поздно, запустите механизмы самовоскрешения!" А когда адресаты таких экспрессивных сообщений с гневом (нет, гнев для бледнолицых психолатов — недопустимый внутренний абыюз) и недоумением оборачиваются, Данилов поднимает руки, улыбается им, идёт навстречу, и — вместо апокалиптической немой сцены — все спокойно расходятся по домам.

"Сейчас мне и как автору, и как зрителю, и как читателю кажется важным именно почувствовать нашу безнадёжность, ис-

Ты — животное. Животные тоже живут на автомате. Но самое смешное — это то, что ты животное, сочиняющее электронную музыку", — настаивает задержанного журналиста Женщина-Полицейский, с которой трудно не согласиться.

"Она была ко всему равнодушна. ...Смотреть неподвижно в стену — более осмысленное занятие, чем выставки и концерты", — это сказано о закадровой героине пьесы "Путь к сердцу".

Но оцените, как пьеса появилась, какое задание получил Данилов! "Это должна быть одноактная моноопера для полноформатного симфонического оркестра. Один артист, мужской голос. За время пребывания на сцене главный и единственный герой должен физически, своими руками приготовить для своей возлюбленной (её нет на сцене, и её голос мы не слышим) три блюда итальянской кухни — салат капрезе, пасту карбонару и десерт панакоту. В либретто должны присутствовать рецепты всех этих блюд", — пишет Данилов о старте творческого процесса.

Просто обалдеть, из чего растёт театр! Когда я читал "Путь к сердцу", из соседней комнаты донёсся голос жены: "Всюкую фигно раздувают до онтологии". Сказано было о совершенно иной истории, никак не связанной с литературой! Но я задумался о неожиданном контакте быта со словесностью.

В "Свидетельских показаниях" всякая серость вроде исключена, идёт расследование самоубийства. Всё острее и напряжённее с каждой страницей: оказывается, не средний менеджер свёл счёты с жизнью, а богатый, загадочный человек — монстр массовой литературы, погибший при написании серьёзного романа!

Но в финале (да, это один из двух вариантов финала!) самоубийца вновь нащупывает Диониса Серого, чтобы построить ещё один "бобок". "Вообще, теперь интересно это всё наблюдать. Вернее, как... Нет, не особо интересно. ...Знаете, скучно это всё. Вот люди думают разное о загобной жизни, а это всё на самом деле дико скучно. Ничего не происходит, и тебе всё равно. Скука, скука. И я уже понимаю, что и дальше будет только сплошная скука. ...Что скука пожирает нас всех. Что скука пожрала меня. Просто скучно очень стало всё, и всё... Даже, знаете, я вам так скажу, и самоубийства не было, ничего вообще не было. Просто вот не было вообще ничего. Мне сейчас трудно это вам объяснить, но просто вот, знаете... ничего не было. Ничего. И ничего нет и не будет. Да, как-то вот так".

Иза-за воцарения этой опасной, поганой силы у автора исчезает воля к определённости. Это я прежде всего об инсценировке романа "Саша, привет!" Ни героя оправдать, ни систему рельефно обвинить — энергии не хватает. Понимаю, что эта двойственность вмонтирована в замысел. Догадываюсь, что это приём, раскрепощающий режиссёра. И всё равно — печально.

"Когда я вышлада за тебя замуж, я думала о тебе, что ты кто-то типа Харм-

Дионис Грустный. Фрагмент древнегреческой росписи.

а также вхождение в театральное пространство непрофессиональных забрасывают драматургию наших дней в мировоззренческие дали.

Как и английский театр Диониса, российский театр двух последних десятилетий хочет быть политикой и философией — катарсисом, рождающим действие.

Меня нельзя записать в его любители. Меня трудно отнести к поклонникам Данилова. Ещё в "Горизонтальном положении" и в "Описании города" увидел и оценил этот "буддизм" нашей творческой постигтелигенции, когда художественный мир строится на исключении большого события, на выходе из разных эпосов путём торможения, ради недеяния.

Однако в новом сборнике текстов для сцены есть не только облуживание вялых инстинктов друзей "травм" и других методик глобалистской терапии маленьких, брошенных душ. Есть и суд над ними — над жертвами модной чеховщины, у которых не хватает какой-либо вертикали, чтобы признать себя заложниками её отсутствия.

Я бы не сказал, что полностью исключены положительные ответы на эти вопросы. Однако на втором уровне (особенно в "Серёже") очевиднее другое: свободные от метафизики демоны скуки, пустоты и вялой иронии сближаются с подсудимым, уходят от результативности на сторону демонстрации угасшего мифа о Суде, о том, как этот Суд воскрешает давно замолчавшую историю — например, библейскую. Тут — не воскрешает.

Будь режиссёром я, подсудимыми оказались бы все: и протесные силвики из "Подольска", и вышедшие из города Грязи курьеры ("Серёжа очень тупой"). Не думаю, что моя трактовка совсем далека от плана Данилова.

Да и я — как автор спектакля — оказался бы в этом ряду. Я — злой? Дело не в этом. Просто все герои, прошедшие через семь пьес, — одна и та же душа или то, что от неё осталось. Вы можете открыть любой текст "Стоиков": везде один и тот же человек! Он может быть дизайнером, филологом, преподавателем, музыкантом, программистом, писателем, субъектом со-